

художники А. Бенуа, Ф. Рейман, Ст. Эрзя. Комолова пишет о значительном “русском присутствии” (с. 238) в Италии: православных церквях с русскими священниками, русских библиотеках, фондах, виллах – музеях русских дворян, светских салонах Ольги Синьорелли и Надежды Шаховской, попытках создания белого движения в Италии. По мнению автора, заметным было влияние русских на культурную жизнь Италии: выступления Ф. Шаляпина, создание Л. Брайловским Музея русского религиозного зодчества при Конгрегации восточных церквей в Ватикане. Н.П. Комолова также отмечает вклад советских граждан в годы войны в борьбу итальянского народа против фашизма, участие и личные подвиги русских в парти-

занских отрядах Сопротивления. Проследившая путь “русской Италии” XX в., автор отмечает существенное взаимовлияние двух культур и народов, подчеркивает наличие множества точек их соприкосновения.

В заключение подчеркнем, что на сегодняшний день книга Н.П. Комоловой – единственная научная работа в России, охватывающая политическую и социальную историю итальянского государства всего XX в. Она представляет значительную ценность и интерес для всех исследователей – итальянистов.

С.М. Гаврилова,
аспирантка

Государственного академического
университета гуманитарных наук

RUSSLAND, DER FERNE OSTEN UND DIE “DEUTSCHEN”. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009, 121 S.

РОССИЯ, ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И “НЕМЦЫ”. Гёттинген, 2009, 121 с.

Исследования немецких историков в области российской истории в немалой степени обусловлены длительными, начавшимися еще в XVII в. и ставшими тесными взаимосвязями между Московским государством, а затем и Российской империей, с германскими землями и гармоничным вхождением множества немцев в русскую политику, науку, культуру. Рецензируемая книга, изданная в рамках исследований Института европейской истории в Майнце – одно из них.

Своеобразным путеводителем по исследованиям, представленным в книге, является предисловие ее редактора, директора Института европейской истории Х. Духхардта, кратко и вместе с тем исчерпывающе изложившего историю ее появления на свет и проблемы, затронутые ее авторами. Итогом совместных исследований роли немцев на русской службе в освоении Дальнего Востока, проведенных Германским исследовательским обществом (ДФГ) и РГНФ, стали две конференции в Майнце (декабрь 2007 г.) и Москве (сентябрь 2008 г.). Но поскольку полные тексты докладов немецких участников не были опубликованы в России, что с сожалением отметил Духхардт, возникла потребность их издания в отдельной работе (с. 1). В представленных в ней исследованиях большое внимание, с одной стороны, уделяется освоению Сибири, Дальнего Востока, Русского Севера и представлениям о культуре и образе жизни народов, населявших эти регионы. С другой, ряд авторов выдвинул важную как для немецкой истории, так и для отечественной, ме-

тодологическую проблему дефиниции общего понятия “немцы”. Кого из этнических немцев, внесших огромный вклад в российскую науку, можно рассматривать как собственно немцев на русской службе, а кого – как достойных слуг Российской империи и уже “русских” ученых? Простой, казалось бы, вопрос осложняют проблемы объективной и субъективной идентификации, а также самоидентификации “немцев” в России.

Круг исследований в данном томе открывает статья К. Ролль, посвященная развитию русской картографии в процессе освоения Сибири и Дальнего Востока и вкладу немецких исследователей в сложную работу над составлением карт новых земель. Автор сосредоточила свое внимание на истории русской картографии, призванной дать четкое представление о реальных масштабах владений России в Восточной Азии. При этом анализ создания карт Ролль увязала с имперской пространственной стратегией, с повышением престижа России в Европе и Азии благодаря образному представлению об ее имперской мощи. Она справедливо заметила, что карты с начала раннего нового времени служили не только источником информации о землях и населявших их людях, но и своеобразным “символом” государства, важным инструментом политического господства его правителей (с. 6). Ролль не стремится к переоценке понятия “немцы” – она считает таковыми тех, кто родился в германских государствах, и только в третьей, самой небольшой части ее исследования говорится об исключительном

значении вклада иностранцев, в том числе и немцев, в русскую картографию. Многие из них затем вошли в научную и политическую элиту России (с. 29). К своему исследованию Ролль привлекла довольно значительную русскую историко-географическую базу, правда, не совсем точно назвав Б.А. Рыбакова картографом-историком (с. 13).

Д. Дальман сосредоточился на торговых и политических взаимоотношениях между Россией и Китаем в XVI–XVIII вв. Хотя уже после Смутного времени Московским государством предпринимались конкретные и целенаправленные действия для налаживания отношений с Китаем, автор считает, что до Петра I Россия преимущественно смотрела на Запад, который был для нее “примером и антипримером”. Кроме того, китайская сторона вплоть до заключения Нерчинского договора 1689 г. рассматривала Московское государство в качестве земли-данника (с. 32–33). Большое место Д. Дальман отводит возникавшим перед русскими представителями в Китае церемониальным проблемам, которые долгое время мешали налаживанию взаимовыгодных отношений, призванных укрепить торговые связи и обозначить четкую границу между государствами. В отчетах немцев на службе Петра I, побывавших в Китае, содержится много сведений о культуре и обычаях Поднебесной, особенно об ее столице. В этом смысле записки родившегося в Германии голландца Э.И. Идеса и немца А. Бранда имели большое значение для российской и европейской науки. Книгу Бранда о Китае высоко оценивал выдающийся ученый-универсал Г.В. Лейбниц. Но, как подчеркнул Д. Дальман, и Идес, и Бранд, отметившие прилежание китайцев и их достижения в области сельского хозяйства, смотрели на Поднебесную империю с точки зрения европейского человека (с. 47).

Общую картину этнологических исследований Алтайского региона в XVIII – первой половине XIX вв. обрисовала в своей статье Е. Массольд. Ее статья основывается на документации русских экспедиций, в которых выходцы из германских земель играли важную роль в изучении местных культур. Основательное изучение в XVIII в. Сибири под руководством созданной в 1725 г. Академии наук в XIX в. направило исследователей на Алтай – “мост к восточной торговле” (с. 50). Е. Массольд критически подошла к терминологии своего небольшого исследования. Думается, она обоснованно считает дискуссионными многие понятия: “татары” – для тюркоязычных народов Российской империи; “завоевание”, “покорение”, “присоединение” – для политики центра; “народ”, “иноземцы”, “инородцы”,

“иноверцы” и т.д. – для коренного населения. Автор проследила генезис этих понятий в русской, советской и постсоветской историографии. В целом она характеризует политику на Алтае как “русоцентризм” и проявление “национальной идеи” в отличие от петровского времени (с. 58–60). Массольд подробно остановилась на этнографических изысканиях немцев в составе русских экспедиций – Г.Ф. Мюллера, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа и др., познакомивших в своих отчетах Россию и Европу с нравами и обычаями местных народов.

Научной деятельности врача из Гессена К.Г. Мерка на Русском Севере во время экспедиции Биллингса – Сарычева 1785–1795 гг. посвятила свою работу Д. Ордубади. Обращаясь к проблеме немцев в России, она пишет, что поскольку собственных научных кадров в допетровской России фактически не было, с 1710 г. их приглашали из Западной Европы, и прежде всего из германских земель. Ордубади справедливо заметила, что главный упор в политике приглашения иностранных специалистов делался на совместную работу и быстрый результат (с. 79). Она подробно описала экспедицию по изучению Камчатки, островов Берингова моря, Чукотки и Курильских островов, в которой участвовал Мерк и которая была трудным и суровым испытанием для всех ее участников. За время экспедиции Мерк собрал множество коллекций и представил первые научные сведения о флоре и фауне отдаленных районов северо-востока Сибири, южной части Камчатки, нескольких Алеутских островов и юго-западного берега Аляски. Его рукописи были переданы для публикации Палласу, который использовал многие сведения из них для своей большой работы о животном мире азиатской части России, но полностью их по неизвестным причинам не напечатал. Со смертью самого Палласа в Берлине его архив был частично утерян, а рукописи Мерка исчезли. Только во второй половине XX в. они были найдены и в 1978 г. изданы на немецком языке. Уникальные геологическая и зоологическая коллекции Мерка и поныне хранятся в Минералогическом кабинете Эрмитажа и в Музее РАН в Санкт-Петербурге. В работах Мерка Ордубади выделила объективную тенденцию в представлении о жизни народов Русского севера (с. 85–87).

Тематику изучения немецкой медицины на Дальнем Востоке продолжил в своей статье Х. Духхардт, остановившийся на деятельности доктора Й. Рехмана. Духхардт отметил, что в процесс “политико-экономического приближения Москвы” к восточноазиатским границам были включены немецкие дипломаты, военные и ученые, многие из которых, будучи второсте-

пенными “чинами” у себя на родине и решая “эпохальные” для России задачи, стремились попасть в социальную элиту российского общества. Их желание было осуществимо, ибо стараниями Петра I и Екатерины II процесс “европеизации” России наполнялся и конкретизировался принятием иностранцев на службу (с. 97). Так, Рехман, попав в Россию в качестве посла, а затем, участвуя в Китайской и Монгольской экспедициях, проявил себя как организатор медицины и политик и выступил за взаимовыгодный обмен знаниями с китайскими врачами. Автор подчеркивает, что исследователь призывает к пониманию чужих культур, не рассматривая их в качестве угрозы Российской империи. Рехман стал профессором Московского университета и Хирургической Академии в Москве, а также был награжден орденами св. Анны 2-й степени и св. Владимира (с. 98–99).

Завершает книгу интересная и в своем роде подводящая итог дискуссия о понятии “немцы” работа Я. Кузбера о жизни, научной деятельности и карьере Ф.П. Литке. В отечественной литературе Литке именуется то русским мореплавателем, то немецким естествоиспытателем на русской службе, т.е. определенной констатации его государственно-этнической принадлежности нет. Проблема разрешается определением подданства человека, однако Кузбер подошел к ней с позиции самоидентификации личности, ее восприятия своей принадлежности. По мнению автора, немцы идентифицировали себя как с географическим пространством и средой, в которых они находились, так и с государством, к функциональной элите которого они принадлежали и могущество которого укрепляли своей службой (с. 103–104). Немецкое дворянство и городские бюргеры Прибалтики являлись

уже “русскими немцами”, даже если плохо говорили на языке государства, подданными которого они были. Ярким примером тому Кузбер считает А.Х. Бенкендорфа, редко изъяснявшегося по-русски, но верно служившего “царю и Отечеству”. К этой группе принадлежал и Литке – одаренная личность, отождествлявшая себя с Российской империей и ее правящей династией. Его деятельность представляла собой синтез ценных научных исследований и весьма успешной карьеры. Он имел титул графа, достиг адмиральского звания, являлся Президентом Академии наук в 1864–1882 гг. и членом Государственного совета. Помимо глубоких работ по исследованию Арктики, ему принадлежит описание деятельности Русского географического общества и его структуры. Примечательно, что характерную для Российской империи идею панславизма в 60–80-х годов XIX в. Литке считал для себя чуждой, хотя в своей биографии он не идентифицировал себя как “немец” (с. 116).

В отечественной литературе исследуемой в рецензируемой книге проблематике посвящено большое количество работ, и событийно-познавательная сторона процесса изучения Восточной Азии российским историкам и интересующимся читателям известна. Но взгляд “извне”, который помогает выявить новые дискуссионные проблемы и свидетельствует о неугасающем за рубежом интересе к истории русской науки, зачастую не менее важен, чем взгляд “изнутри”.

Л.И. Иволина,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Смоленского государственного
университета

А.Г. Голиков, И.С. Рыбачёнок. СМEX – ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ. РОССИЯ И МИР НА РУБЕЖЕ XIX–XX веков В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ. М.: Институт российской истории РАН, 2010, 328 с.

Новая книга докторов исторических наук А.Г. Голикова и И.С. Рыбачёнок – это иллюстрированное издание, анализирующее познавательный потенциал политической карикатуры¹ рубежа XIX–XX вв. как источника, рассматривая его в конкретно историческом контексте внутреннего положения России и ее отношений

с миром и отдельными странами. Карикатура – явление не христианское. Из глубины веков – Древнего Египта и Греции – оно прошло через религиозную борьбу периода европейской Реформации и получило импульс последующего развития от революционной Франции XIX в. В Россию предтеча карикатуры пришла в XVII в. в виде лубочных картинок под влиянием потешных немецких листков, занесенных через Польшу, и голландских лубочных гравюр (с. 9).

¹ Карикатура от итальянского “caricare” – “отягачать”, “усиливать”, “сгущать”.